

Валерий БЕЛЯКОВИЧ, театральный режиссер: Без идиотского романтизма на Юго-Западе не приживешься

Известия - 2002 - 14 апреля - СТО.
Театр на Юго-Западе — это основательно перелицованный подвал, бессменный художественный руководитель Валерий Белякович, по-прежнему раскупающие билеты зрители. А еще это миф, память о последней советской поре, когда Юго-Запад казался чем-то необыкновенным. Каждое время ищет свою альтернативу. Теперь это — спектакли роцинского Центра драматургии и режиссуры, тихие, самодостаточные театральные радости. Во времена оны альтернативой казались шедшие на Юго-Западе «Носороги» Ионеско: еще ничего не произошло, но люди предощущали большие перемены. Советская власть кончалась, и спектакли студии казались глотком свободы. Только что Театру на Юго-Западе исполнилось двадцать пять лет, и хотя со свободой у современников отношения сложные, он все живет. О том, как именно живет, Валерий БЕЛЯКОВИЧ рассказал корреспонденту «Известий» Алексею ФИЛИППОВУ.

ВИКТОР АХЛОНОВ

— С чем театр подошел к юбилею?

— Со стабильной труппой. Мы по-прежнему живем семьей — и это хорошо. Со стабильным репертуаром. С премьерой — к юбилею мы поставили «Оперу нищих», микст из Бертольда Брехта и Джона Гей. Может быть, нам будут строить новое помещение — тоже на Юго-Западе... В общем, все неплохо.

— У Театра на Юго-Западе романтическая биография. Молодой человек работает с подмосковными детьми: кружок превращается в театр, помещение они обустраивают собственными руками. Шофер Авилов, теперь снявшийся во множестве фильмов, днем работает, вечером играет, а для того чтобы освободить побольше времени для творчества, невероятно мухлюет. И к тому же ворует кирпичи со строек — для строительства любимой студии... Как, впрочем, и все остальные. «Юго-Западная» была на пике студийной волны — в нынешней, постсоветской жизни подобное невозможно: студийное движение заглохло. Да и кирпичи со строек больше не потаскаешь.

— Понятное дело — все стройки нынче огорожены... К тому же у людей сейчас другой интерес. Даже сама «Юго-Западная» перерождается, в труппу приходит другой народ. Молодых, только что закончивших ин-

ституты актеров интересуют съемки в рекламе и деньги. Тогда мы жили по другим законам, у нас был остаточный социалистический романтизм. Для того чтобы подобрать человека, который бы подходил к нашей колоде, приходится долго возиться. Кто-то из приходящих думает о заграничных поездках, кто-то о каких-то других выгодах. Но если в тебе нет нашего изначального, идиотского романтизма, ты на Юго-Западе не приживешься. Это как у Сорокина в романе «Лед». Там ищут тех, кто умеет говорить сердцем, — а нам из пяти кандидатов в лучшем случае подойдет один. Двадцать пять лет назад таких людей было больше.

— Первые спектакли «Юго-Западной» оставляли впечатление другой, живой эстетики. Драйв, ощущение молодого братства, иной театральной крови... Сохранить такое через двадцать пять лет невозможно. Чем жив театр?

— Сейчас он поставил в своей жизни точку. Прошел определенный цикл, и если с нового сезона мы не начнем что-то новое, то кончимся. Взамен молодости и драйву должно было прийти мастерство: у кого-то оно появилось, у кого-то нет, кто-то спился, кого-то мы вытасили... Мне захотелось утвердить себя на других сценах, Авилов пошел сниматься, Гришечкин тоже стал работать

на стороне... Театр изменился, но его характер остался — вот только силы, наверное, уже не те. За двадцать пять лет у нас сменилось около десяти зрительских поколений — а мы живем все в той же клетке, помещеньице, где нельзя строить декорации, крутить круг, поднять пандус. Для того чтобы биться в этой клетке и продолжать быть интересными, нужно много фантазии. Надо искать новое. Найдем — хорошо. Нет — что ж, значит, мы отработали свое. И потом, сейчас, когда ничего не запрещают, все растекается по древу...

— Да, запрет порождает выброс ответной энергии... Но скажите: изменился ли ваш зритель?

— Зритель проверяется репертуаром: «Чайка» и «Три сестры» — некоммерческие спектакли, как и «На дне». Билеты на них покупают с трудом, зато потом кричат «браво!» и плачут. Да нет, зритель не изменился. Ему все так же надо усесться в театральных креслах и налаживать контакт с артистами. К нам ведь сейчас ходят и те, кого не было, когда наш театр возник.

— Вы сказали, что театру надо измениться, чтобы жить дальше. Что вы имеете в виду?

— Необходимо сконцентрироваться и перестать разбрасываться. Молодости уже нет, зато осталась профессия. Которой надо служить.